

Научная статья

УДК 94(47)

doi: 10.17223/19988613/99/6

«Развертывание критики и самокритики» в ходе исполнения постановления ЦК ВКП(б) о работе Томского обкома

Данил Дмитриевич Новосельцев¹, Георгий Андреевич Толстов²

^{1,2} *Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *d_novoseltsev@mail.ru*

² *egor.tolstov@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме места «большевистской критики и самокритики» в послевоенном сталинском обществе. Рассмотрев ее идеологические основания и генезис, авторы на примере исполнения партийными организациями Томска постановления ЦК ВКП(б) о работе Томского обкома от 30 января 1950 г. показывают, кем и каким образом реализовывалась эта практика, и приходят к выводу о ее неоднородности и преломляемости в различных условиях, коротко характеризуют эффекты и результаты «развертывания критики и самокритики» в различных ситуациях.

Ключевые слова: критика и самокритика, Томск, партийное руководство, идеология

Для цитирования: Новосельцев Д.Д., Толстов Г.А. «Развертывание критики и самокритики» в ходе исполнения постановления ЦК ВКП(б) о работе Томского обкома // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 50–61. doi: 10.17223/19988613/99/6

Original article

“The deployment of criticism and self-criticism” during the execution of the resolution of the Central Committee of the VKP(b) about the work of the Tomsk Regional Committee

Danil D. Novoseltsev¹, Georgiy A. Tolstov²

^{1,2} *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *d_novoseltsev@mail.ru*

² *egor.tolstov@mail.ru*

Abstract. Here is a corrected and improved version of your text, which maintains your original meaning while enhancing its grammatical accuracy, flow, and academic tone. In our opinion, the issue of "the deployment of Bolshevik criticism and self-criticism" as a political practice of Stalinism is relatively understudied. Furthermore, studies of this political practice are essentially studies of power dynamics between the state and society. It is this aspect that renders our research relevant. The purpose of this article is to identify the role of criticism and self-criticism in the political and ideological activities of the late Stalinist period, using as a case study the implementation of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) resolution concerning the work of the Tomsk Regional Committee from 1950 to 1952. The primary source base for the study consists of archival documents from local party organizations, including regional, city, and district committees, as well as primary party organizations from Tomsk State University, the Tomsk Medical Institute, the Tomsk Pressure Gauge Factory, and the Tomsk Rubber Shoe Factory. Additional sources include press materials from the newspapers *Krasnoye Znamya* and *Izvestiya*, as well as the unpublished memoirs of *Krasnoye Znamya*'s chief editor, Vladimir Kuzmichev.

The authors examine the genesis and ideological basis of "Bolshevik criticism and self-criticism" as a method of Stalinist policy and present various scholarly perspectives on the issue. In the authors' view, criticism and self-criticism in the late 1930s were intimately connected with political repressions and social conflict within Soviet society. A new iteration of "the deployment of criticism and self-criticism" commenced after the war. According to the authors' perspective, the Stalinist government and central authorities deployed this practice to improve the performance of local authorities – in this specific case, the Tomsk Regional Committee of the Communist Party. However, at the grassroots level, local leaders, ordinary communists, scientists, and students utilized this practice to serve their own interests, despite the illusion of a unified process under a common ideological label. The results of implementing "criticism and self-criticism" were therefore varied, depending on local conditions and the effectiveness of each party involved in the conflict.

Keywords: criticism and self-criticism, Tomsk, party leadership, ideology

For citation: Novoseltsev, D.D., Tolstov, G.A. (2026) “The deployment of criticism and self-criticism” during the execution of the resolution of the Central Committee of the VKP(b) about the work of the Tomsk Regional Committee. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 50–61. doi: 10.17223/19988613/99/6

Тема критики и самокритики как социальной практики сталинского периода представляется нам недостаточно изученной. Это запускавшееся сухими и штампованными фразами посредством бюрократического механизма явление осталось в целом вне поля зрения историков. Оно, разумеется, периодически затрагивалось различными авторами, однако те не уделяли ему особенного внимания. Так, например, в качестве предлога или прикрытия для развертывания репрессий в Среднеазиатском военном округе рассматривает критику и самокритику в своей статье С.Л. Павлович [1]. Пересказывая воспоминания Давида Ортенберга в посвященной Л.З. Мехлису работе, затрагивает тему критики и самокритики Ю.В. Рубцов [2. С. 62]. В рамках своей концепции советского общества представлял критику и самокритику в качестве «коллективных погромов» и «коллективных предательств» А.А. Зиновьев. По его мнению, такие погромы позволяли переложить ответственность с каждого отдельного члена коллектива – ячейки советского общества – на его лидера, а с него – на вышестоящие инстанции [3. С. 243]. Все это в условиях социальной напряженности во время строительства социализма привело к трагическим последствиям. Неслучайно у таких разных авторов тема «развертывания критики и самокритики» идет рука об руку с темой репрессий. Эту связь уловили и авторы, не так давно все же обратившие внимание именно на проблему «критики и самокритики». Так, В. Отяковский свел самокритику к части ритуала публичного покаяния, необходимому элементу идеологических кампаний [4]. Более широко – уже не как ритуал, а как дискурс и стратегию поведения в рамках сознательно созданного режима, «функционирующего по принципу опережающей покорности общественного пространства», рассматривает «критику и самокритику» Л. Эррен. Он не отрицает некоторой воли «сталинских субъектов», носителей «критики и самокритики», действия которых оказываются направлены на самосохранение в рамках репрессивных практик сталинского режима, однако действия субъектов в конечном счете оказывались иррациональными, поскольку вели лишь к усилению угнетенного состояния [5]. Нам кажется, что выводы этих обращающихся к структуралистским и постструктуралистским подходам авторов сами оказались в некоторой степени подвержены влиянию повествовательных структур, которые, в свою очередь, обусловлены базовыми авторскими установками, из чего вытекает одностороннее рассмотрение явления, его искусственное «обесмысливание».

Полагаем, что если уделить активизации критических выступлений в конце 1930-х гг. более пристальное внимание, то это заставит в очередной раз несколько пересмотреть вопрос о природе и движущих силах феномена политических репрессий. Не можем не отметить, что к очень похожему выводу, рассматривая раскручивание маховика репрессий в советских профсоюзах в 1937–1939 гг. пришла в свое время и В. Голдман: «Внимательный анализ этой кампании (кампании за демократию конца 1930-х гг. – Д.Н., Г.Т.) показывает, что политика террора в сочетании с демократией стали причиной всеобщего хаоса в профсою-

зах: партийные руководители, рабочие и профсоюзные работники – все использовали лозунги кампании во имя достижения своих целей» [6. С. 175]. Впрочем, детальное рассмотрение этой проблемы выходит за рамки данной статьи.

Нельзя не указать и на обстоятельства, затрудняющие более подробное рассмотрение исторической наукой феномена критики и самокритики. Последняя являлась частью официального дискурса, вписанного в идеологическую модель. Однако советскую идеологию принято воспринимать как заведомо «ложное сознание». Здесь следует заметить, что даже К. Маркс и Ф. Энгельс, которым приписывается авторство понимания идеологии как «ложного сознания», смотрели на проблему существенно шире и указывали на укорененность ее в реальности материального мира [7. С. 12, 19, 74]. Иными словами, даже самая «лживая» идеология опирается на действительность и ее каким-то образом описывает. Не утверждая истинности или ложности официальной советской идеологии, мы отнесемся к ней именно таким образом.

На наш взгляд, наибольшее внимание проблеме развертывания критики и самокритики в сталинском обществе уделил А.В. Сушков. Не углубляясь в философские или идеологические тонкости, он в целом встает на позиции ревизионистов и приходит к выводу, что эта практика стала одним из проявлений политической реформы 1930-х гг., направленной против региональных руководителей. В послевоенный период она была снова введена в оборот с целью повышения эффективности работы партийных и хозяйственных руководителей за счет обеспечения контроля за ними не только «сверху», но и «снизу» [8. С. 38]. На наш взгляд, А.В. Сушков верно замечает, что «демократизация по-сталински» имела сугубо прагматический характер.

Следует отметить, что на необходимость создания «двойного пресса» – давления на руководителей и «снизу», и «сверху» за счет насаждения внутривластной демократии – И.В. Сталин указывал еще в 1928 г. По его словам, после победы над оппозицией сложилась опасность того, что партия закроет глаза на недостатки своей работы [9. С. 29]. Разумеется, тогда вождь был заинтересован в том, чтобы показать себя и свою политику в лучшем свете, однако это отнюдь не повод отмахиваться от сталинских выступлений. Если действия генсека могли найти поддержку в широких партийных массах, а логика сталинской политики очень быстро становилась очевидной, то ее просто не было смысла скрывать. К тому же вождь не отказался от подобного рода взглядов и позднее: «Мы, руководители, видим вещи, события, людей только с одной стороны, я бы сказал – сверху, наше поле зрения, стало быть, более или менее ограничено. Массы, наоборот, видят вещи, события, людей с другой стороны, я бы сказал – снизу, их поле зрения тоже, стало быть, в известной степени ограничено. Чтобы получить правильное решение вопроса, надо объединить эти два опыта. Только в таком случае руководство будет правильным» [10. С. 126–127]. Не оказалось большой проблемой и отыскать «критику и самокритику» у класси-

ков: «Так как мы знаем, что каждый принцип и направление становятся тем сильнее и неотразимее, чем беспощаднее освобождают их путем критики от ненужных наростов и экстравагантностей, подобно тому как дерево становится крепче и приносит лучшие плоды, когда вовремя срезают его отсохшие ветви, то никакие личные соображения не удержат нас от избытка и устранения экстравагантностей и сумасбродных идей отдельных лиц, принадлежащих к партии. Мы не опасаемся, что это поведет к нашему ослаблению» [11. С. 94]. Таким образом, эта практика оказалась «прописана» в советском официальном политическом дискурсе.

Важно понимать, что рассматриваемое нами явление могло проявлять себя одновременно и как «развертывание демократии», и как «избиение и шельмование кадров», которое наносило урон не только этим самым кадрам, но и всей системе в целом. Мы пришли к выводу, что в советском официальном дискурсе сталинской эпохи демократия являлась не самоцелью, значимой самой по себе, а инструментом повышения эффективности. Логика обстоятельств диктовала логике намерений, а к высоким идеалам стремились ровно постольку, поскольку они обеспечивали достижение практических целей – а разве могло быть иначе в конкретных условиях 1930–1950-х гг.? Интересно, что вплотную к этой дилемме подошел уже упомянутый нами Ю.В. Рубцов, когда описывал введенное по инициативе Мехлиса ограничение на привлечение командиров к партийной ответственности, направленное на то, чтобы защитить последних от «шельмования» [2. С. 142–143]. Однако Рубцов, как нам кажется, истолковал это явление не вполне корректно и объяснил его в русле якобы непрерывно существовавшей тенденции к свертыванию внутрипартийной демократии.

Итак, сталинское руководство в послевоенный период взяло курс на возвращение в политическую жизнь страны принципа «развертывания большевистской критики и самокритики». Однако какими бы ни являлись цели выбранной политики, ее невозможно было бы реализовать исключительно усилиями центра. Указания ЦК спускались в региональные партийные организации, которые занимались их исполнением, доводя необходимые установки до каждой первичной парторганизации и каждого коммуниста. При этом эти самые установки не могли не меняться в зависимости от конкретных ситуаций и соотношения сил на местах.

Подробным образом рассмотреть, каким образом развертывалось и изменялось это явление, спускаясь сверху вниз, мы можем на примере того, как выполняла Постановление ЦК ВКП(б) Томская областная партийная организация. Созданная в 1944 г. Томская область не отличалась высоким уровнем промышленного развития. Имелись недостатки и трудности в работе развернутой в Томске в результате эвакуации союзной промышленности. В городе испытывался дефицит жилого фонда, а сам регион являлся местом ссылки спецпереселенцев. Но главной проблемой все же являлась кадровая.

В 1949 г. партийный аппарат области проверила бригада ЦК ВКП(б) [12. Л. 144]. В январе 1950 г. рабо-

та томского обкома была рассмотрена на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б), результатом чего и стало постановление ЦК ВКП(б) «О работе Томского обкома ВКП(б)» от 30 января 1950 г. [12. Л. 2]. Этот документ уже рассматривался Е.С. Гениной, которая считает, что он стал катализатором кампании по борьбе с космополитизмом в Томской области. Она же утверждает, что Постановлению предшествовала записка, поданная в январе 1950 г. на имя Г.М. Маленкова инспектором ЦК ВКП(б) М.Я. Канунниковым [13]. Однако рассмотрение вопроса о работе обкома на самом деле назрело несколько ранее: архивное дело, содержащее справки и материалы к подготовке отчета в ЦК, начато 15 ноября 1949 г., а имеющиеся в нем сведения указывают, что обком на момент их сбора не обладал полными данными за 1949 г. (например, по исключенным из партии цифры приводятся только за первые 9 месяцев 1949 г.) [14. Л. 282]. Также нельзя не упомянуть, что по крайней мере за несколько месяцев до заседания Оргбюро сигналы о неблагоприятном положении дел в первичных парторганизациях Томска поступали в КПК (на заседании Оргбюро, по словам отчитывавшегося на заседании первого секретаря обкома А.В. Семина, присутствовал М.Ф. Шкирятов) [12. Л. 14]. Подготовленный областным комитетом отчет являлся обширной аналитической запиской, посвященной в первую очередь хозяйственной жизни области. Затрагивалась и подробно анализировалась работа союзной и местной промышленности. Были собраны данные, указывавшие на не выполненные планы предприятия, отмечались высокий процент брака, простои и в то же время отсутствие ритмичности, вследствие чего 40–45% плана выполнялось предприятиями в течение последней декады месяца. Схожим образом анализировались сельское хозяйство и транспорт области, благоустройство Томска и состояние его жилого фонда, положение дел в томских вузах [15].

Наиболее значимым «партийным» вопросом из затронутых в отчете можно считать вопрос о состоянии кадров в области. Обком поставил себе в заслугу укомплектованность номенклатуры на 98%, хотя и признал существование некоторых проблем с резервом для выдвижения. Составители отчета указывали: «Большинство секретарей райкомов партии имеет значительный опыт руководящей работы. 43 человека работают в данной должности от 2 до 10 лет». Провел обком и анализ состава областной партийной организации, которая на 25% состояла из рабочих, на 20% – из крестьян и 55% – из служащих. При этом к моменту составления отчета в Томской области за время существования областной парторганизации из ее рядов были исключены 226 крестьян, 139 рабочих и 684 служащих. Непропорционально высокая доля последних наглядно показывает положение дел с кадрами, особенно если учесть, что значительное количество исключенных из партии рабочих и крестьян – это скрывшие свое происхождение спецпереселенцы. Подтверждает наши выводы и статистика по статьям исключений на 1949 г.: если самой распространенной причиной стали «пьянки и бытовые разборки» (74), вслед за которыми расположилось сокрытие социаль-

ного происхождения (57, в 1948 г. было лишь 32 случая), то на третьем и четвертом местах были нарушения партийной и государственной дисциплины (56) и хищения и растраты (55) [14. Л. 268–282]. В «Справке о болезненных явлениях в партийных организациях... в Томской областной партийной организации», составленной секретарем партколлегии при обкоме Л. Войтюком, в качестве причин этих самых явлений назывались, во-первых, попадание в партию в годы войны большого количества «случайных» людей и лиц, неблагонадежных по своему происхождению, во-вторых, недостаточная работа по повышению идейно-политического уровня коммунистов, и лишь в-третьих указывалось на слабость внутривнутрипартийной работы во многих парторганизациях и неразвитость там критики и самокритики [15. Л. 258]. В тезисах доклада это положение превратится в замечание, что в некоторых парторганизациях слабо развертывается критика и самокритика, – и это, пожалуй, будет единственное ее упоминание в тезисах отчета [15. Л. 32].

В «Справке» обком старался сосредоточить внимание на исключенных из партии бывших кулаках, приводя примеры исключения из партии бывших кулаков, немки, бывшего колчаковского офицера. Отмечалось, что направляемые райкомами в колхозы бывшие кулаки готовы спрятать свой партбилет, лишь бы не выполнять партийные поручения [15. Л. 260].

Было отмечено обкомом и связанное со слабым контролем за силовыми структурами неблагополучное положение в них. Отмечалось, что в 1948 г. из партии были исключены более 50 сотрудников милиции и МГБ. Среди исключенных из партии назывались начальники Парабельского МВД и МГБ, судья, прокурор, оперуполномоченные областного управления МВД. Среди преступлений и проступков были названы моральное разложение, хулиганство, связь со спецпереселенцами, незаконные аресты и избиения граждан и даже изнасилование и убийство [15. Л. 263]. Также были исключены из партии 19 директоров и заместителей директоров предприятий [14. Л. 283].

Через призму поиска враждебных элементов рассматривал обком и положение в томских учебных заведениях. Признавая, что среди «неблагонадежных по происхождению» есть лауреаты Сталинских премий и честно работающие ученые, областной комитет все же намеревался вычистить 35–40 человек, не соответствующих «по политическим и деловым качествам». Так, указывалось, что в Политехническом институте работает бывший колчаковский офицер Надеждинский, а в пединституте – высланный немец Дульзон. Единственное, что останавливало обком, – отсутствие подходящей замены, которую требовалось запросить у Министерства [14. Л. 289, 289 об.]. По проблеме «засоренности» вузов в материалах к отчету есть интересная формулировка. Приводя в пример И.М. Разгона, К.П. Ярошевского и Л.Д. Тарасова, обкомовские работники утверждали: «По этому вопросу большую помощь нам оказывает Министерство. Мы освобождаем, нам присылают хуже» [15. Л. 5]. Впрочем, А.В. Семин не стал включать эту формулировку в итоговый вариант тезисов доклада.

По итогам отчета работа областного комитета партии была признана неудовлетворительной. По словам А.В. Семина, на заседании Оргбюро выступили с критикой областных властей секретари ЦК Г.М. Маленков и Н.С. Хрущев, председатель Совета Министров РСФСР Б.Н. Черноусов и другие министры, заместитель председателя КПК при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятов [12. Л. 14]. Ранее бригада ЦК во время проверки потребовала очистить аппарат обкома от «недостойных людей» [12. Л. 45]. Также в порядке задания ЦК проверку томских вузов начало Министерство высшего образования [12. Л. 145].

В соответствии с решением Оргбюро 27 февраля 1950 г. открылся IV пленум областного комитета партии, на котором выступили уже упомянутые инспектор ЦК ВКП(б) М.Я. Канунников и первый секретарь обкома А.В. Семин. На следующий день велись прения. Присутствие инспектора ЦК позволяло Москве контролировать ход пленума и разъяснять членам областного комитета позицию Центра. Зачитав текст постановления, Канунников обрушился с критикой на руководство областной парторганизации. Упрекая обком и райкомы в нарушении частоты сроков созыва пленумов, инспектор ЦК констатировал: «Нередко предпочитая метод администрирования испытанному партийному методу убеждения... руководители обкома, горкомов и райкомов партии принижают значение пленумов, партийных собраний и собраний партийного актива... Вместо того чтобы служить трибуной для открытой, деловой, принципиальной критики и самокритики, пленумы и активы нередко превращаются в трибуну для простых и парадных деклараций». Канунников, комментируя стиль работы областного комитета, продолжал: «Обком повседневную организаторскую работу подменил принятием большого количества решений, которые из-за отсутствия контроля остаются невыполненными» [12. Л. 2–3]. Если обком в своем отчете указывал на относительную стабильность и опытность кадров, приводя в пример секретарей райкомов, то представитель ЦК повернул дело иначе, заметив, что за 11 месяцев 1948 г. сменилось 60% секретарей первичных парторганизаций, больше половины из них проработали менее года, а в районах области вскрытия имеют от 25 до 35% коммунистов [12. Л. 4].

Канунников не обошел и проблему приема в партию политически неблагонадежного элемента, приведя в качестве примера прием в ряды партии и кандидатами в члены сосланной из Поволжья немки, осужденного военным трибуналом за дезертирство колхозника и студентов, чьи родители были осуждены за антисоветскую деятельность. Однако даже эти находящиеся вполне в русле обкомовских материалов примеры подкрепляют совсем не то, что пыталось донести до Центра областное партийное руководство. Инспектор подчеркивал, что обком выдвигал работников без проверки их деловых и политических качеств, проявил медлительность в замене непригодных работников и продолжал держать их на руководящих должностях или переставлял с одной руководящей работы на другую, сдерживая рост новых, более способных кадров [12. Л. 5].

Затронул Михаил Яковлевич и неблагоприятное положение в томских учебных заведениях: «В вузах культивируется семейственность, критика и самокритика в работе парторганизаций отсутствует» [12. Л. 7]. Про их «засоренность» чуждыми элементами не было сказано ни слова.

В выступлении Канунникова было подвергнуто критике положение в сельском хозяйстве, промышленности, торговле. Представитель Москвы указал на перебои с торговлей в Томске спичками, керосином и другими важными продуктами. Заметно прошелся инспектор по злоупотреблениям томской номенклатуры, заметил, что по указанию обкома и облисполкома в городе незаконно созданы закрытые продовольственные магазины, в которых велась торговля дефицитными товарами, а продукты, особенно мука и сахар, отпускались в больших количествах, причем часто в кредит. Только секретарь обкома Смольянинов имел задолженность перед магазином в 25 тысяч рублей. Канунников констатировал: «Наличие закрытых магазинов вызывает справедливые нарекания некоторых жителей города».

Отдельно досталось финансово-хозяйственному сектору обкома. Его заведующий Щелкунов взял у спиртзавода, фармзавода и аптекоуправления около 3 тонн спирта и раздавал его работникам обкома, причем все секретари были в курсе. Более того, Щелкунов с ведома Семина взял в аренду катер управления речпароходства и организовал коммерческие перевозки грузов у артелей, частных лиц и торговых организаций. Вырученные с этого деньги пошли на строительство парохода для секретарей обкома [12. Л. 9–10]. Интересно, что подобного рода «предпринимательство» вызвало недовольство Москвы не само по себе, а в связи с провалами обкома в повседневной работе: «По указанию тов. Семина и Асланова финхозсектор занялся коммерцией и абсолютно не занимался ревизиями райкомов, не оказывал им помощи» [12. Л. 5].

После Канунникова перед членами обкома выступил первый секретарь обкома Семин. Признавая недостатки, он старался показать их причины. Семин утверждал, что критика в областной парторганизации присутствовала, проблема лишь в ее уровне: «Имеет ли место в работе обкома, горкомов, райкомов зажим критики и самокритики? Если задать этот вопрос коммунистам... то они ответят на этот вопрос отрицательно. Скажут, что прямого зажима критики и самокритики у нас нет. Но если должной критики в областной парторганизации нет, а это не вызывает никакого сомнения, значит, зажим ее имеет место; а если не прямой, то косвенный... Может ли актив критиковать работу Томского горкома, если в Томске раз в год проводятся собрания актива? Эти райкомы и горкомы все основные вопросы решают на совещаниях, где владыкой является одно лицо. Формой зажима самокритики являются сбивание с толку репликами из президиума и разнос выступающих на заседаниях бюро, пленумах, собраниях». Формами «зажима критики» Семин назвал изгнание с работы под разными предлогами (ранее такая практика на томском заводе № 631 вызвала разбирательство, которое повлекло за собой вмешатель-

ство КПК, на эту историю указал Семину во время отчета в ЦК М.Ф. Шкирятов [12. Л. 14]), примиренчество при решении вопросов на бюро обкома, горкомов, райкомов, а также бездействие по сигналам, заявлениям, жалобам, выступлениям [16. Л. 108–109].

Причиной ошибок в кадровой политике Алексей Владимирович назвал то, что людей подбирал узкий круг лиц, а утверждение работника на бюро оказалось превращено в формальность, а должностных лиц боялись снимать, опасаясь слишком высоких показателей сменяемости в сводках: «Нужно прямо сказать, что в обкоме... не заслушиваются вопросы Колпашевского и Чаинского райисполкомов только потому, что председатели этих исполкомов работают плохо, и если поставить их отчет в обкоме, то придется их с работы снимать» [12. Л. 23].

Затрагивая проблему вузов, первый секретарь заметил, что партийные организации города и области уделяли им недостаточно внимания, не бывали в них, вследствие чего воспитательная работа в учебных заведениях оказалась запущенной. «Дело дошло до того, что в Политехническом институте какие-то купеческие нравы возобновились, когда стенка на стенку биться идут». На наш взгляд, такая характеристика красочно показывает, в какой мере руководство областных партийных органов не владело ситуацией и не имело представления о положении дел в высших учебных заведениях города. Чтобы решить эту проблему, было решено создать в обкоме сектор вузов [12. Л. 28–29].

Интересно также посмотреть на материалы, собранные работниками обкома для доклада на пленуме. Каждое положение Постановления ЦК и подготовленного проекта решения IV пленума обкома требовалось подкрепить примерами, которых было собрано немало. Так, указывалось, что за 1949 г. проведено 113 пленумов горкомов и райкомов из положенных 200, а из 80–85 собраний актива – 25. «Кабинетный» стиль проведения пленумов проиллюстрировали, сославшись на предыдущий III пленум обкома, проект решения которого был написан одним человеком без привлечения специалистов, стахановцев, актива. Указывалось, что в 1948 г. на пленумах томского горкома выступили 26 человек, причем все они являлись руководителями, среди них не было ни одного рядового коммуниста: «В выступлениях всех названных 26 ораторов бросается в глаза отсутствие критического подхода... мирный тон... Вошло в систему и “регулирование” состава выступающих». Интересно, что из описания сухости и «парадности» пленумов был вычеркнут абзац: «Как известно, в составе областного комитета ВКП(б) имеется 63 члена и 25 кандидатов... т.е. количество участников у нас определяется в порядке 110–120 человек, а фактически всегда присутствуют 350–400 человек, и пленумы превращаются, по существу, в широкие совещания всех областных партийных, советских, хозяйственных руководителей» [16. Л. 25–32]. Возможно, обком понял, что призыв к сокращению числа присутствующего на пленумах актива, сужению их гласности в данной ситуации оказался неуместен.

Интересно, что в рамках «развертывания критики и самокритики» областной комитет решил начать атаку

на органы МВД и прокуратуры. В зажиме критики были обвинены начальник областного управления МВД (и одновременно член бюро обкома) А.Н. Бровченко и областной прокурор К.С. Чернышенко. Первому припомнили, что он жестко отчитал секретаря парторганизации Управления МВД Груздева за то, что тот в обход Бровченко проинформировал партийные органы о кулацком происхождении его заместителя [16. Л. 120]. Не преминул секретарь обкома указать и на занятую Бровченко в условиях острой нехватки жилищной площади квартиру в 16 комнат [12. Л. 112]. Чернышенко же обвинялся в «избиении кадров», так как устранял неугодных работников, которых оказалось до половины аппарата областной прокуратуры [16. Л. 111].

Впрочем, прокурор также не собирался молчать и в ходе прений на пленуме обвинил руководство обкома в том, что оно защищало от прокуратуры должностных лиц, не давало привлекать их к уголовной ответственности и мешало ходу расследования. Так, Чернышенко привел в пример директора треста «Томлес» Суханова, который построил себе и парторгу дома за 60 тысяч рублей, поставил карандашной фабрике некондиционную древесину. Прокуратура начала расследование, в которое вмешался секретарь обкома Асланов, потребовавший не беспокоить Суханова и не мешать ему работать. Схожим образом, по словам Чернышенко, вел себя секретарь обкома и горкома Осипов, который практически заставлял следователя объясняться перед обвиняемым [12. Л. 103–104]. Дело Суханова неоднократно поднималось в прениях, но, видимо, обкому все же удалось избежать серьезно публичного разбирательства по нему.

Ряд интересных подробностей раскрыл начальник областного управления МГБ Н.С. Великанов. Так, он рассказал, что заведующая Томским горздравом Бубнова передоверила работу второстепенным лицам, а сама без разрешения министерства работала по совместительству в мединституте. Непосредственные же обязанности вместо нее исполняла старший санинспектор Фридман, жена арестованного в 1940 г. за антисоветскую деятельность поляка, ранее проживавшая в Париже и получившая там медицинское образование. Лечебная работа возглавлялась Залесской, у которой муж и отец были арестованы за антисоветскую деятельность. Также в томском горздраве работала дочь активного колчаковца Милютин. По словам начальника облуправления МГБ, эти люди при поддержке Бубновой занялись зажимом критики и расправой с неугодными. Летом 1949 г. за критику на совещаниях и сообщении о недостатках в работе в Минздрав была уволена врач Шихова (вдова погибшего офицера) с сыном на иждивении. Только после вмешательства обкома она была принята на работу на полставки. За критику работы Фридман была уволена мать троих детей вдова погибшего офицера Гребеньщикова. По инициативе той же Фридман из состава месткома горздрава вывели Круглову, которая тоже критиковала Фридман [12. Л. 145–146]. На этом примере хорошо видно, как политические, «классовые» мотивы эмоционально дополняют главное – обвинение в зажиме критики. Впоследствии Бубнова уйдет с должности заведующей

городским отделом здравоохранения сама – «по болезни» [17. 1950. 9 апр.].

Не мог не обрушиться Великанов и на А.Н. Осипова, брат которого, как выяснилось, арестовывался органами НКВД, что Осипов скрыл. Более того, даже поддерживал с ним связь. Припомнили Осипову, что в 1929 г. он имел взыскание за несдачу троцкистской литературы, а в 1935 г. даже исключался из партии за утерю партбилета [12. Л. 147].

Пожалуй, именно А.Н. Осипов стал «главным злодеем» IV пленума обкома. А.В. Семин, совмещая должности первого секретаря томского обкома и горкома, фактически не мог возглавлять парторганизацию областного центра, так что де-факто его обязанности исполнял второй секретарь А.Н. Осипов. Теперь такому положению дел приходил конец. За пьянство, администрирование и зажим критики на него обрушились многие томские коммунисты. Секретарь Кировского райкома С.А. Андиферова сказала, что в городе Осипова многие называли директором [12. Л. 82], а это более чем не вписывалось в официальные рамки внутрипартийной демократии. В итоге по результатам партконференции А.Н. Осипов был выведен из бюро и даже состава самого обкома [18. Л. 6]. Вскоре он был снят с должности секретаря горкома. Томскую городскую парторганизацию возглавил Н.В. Лукьяненко, а практика совмещения должностей первого секретаря обкома и горкома была признана неправильной, поскольку авторитет бюро областного комитета ВКП(б) оберегал от критики городских руководителей [12. Л. 110–111].

В решении пленума в первую очередь акцентировалось внимание на вопросах партийно-политической работы, активизации критики и самокритики, подотчетности партийных организаций, печати и работы вузов. Вопросы сельского хозяйства и вообще было решено вынести на повестку дня отдельного пленума [18]. В целом резолюция пленума воспроизводила формулировки постановления ЦК. Таким образом, решение Оргбюро ЦК ВКП(б) превращалось в решение бюро обкома, и исполнять партийная организация области должна была именно его.

На пленуме выступил и незадолго до того назначенный редактором томской областной газеты «Красное знамя» В.А. Кузьмичев. Речь его была бойкой, острой и смелой, полной разоблачений барственности и бюрократизма. А.Н. Осипова Кузьмичев даже сравнил с папой римским. При этом редактор поднял вопрос об авторитете А.В. Семина как первого секретаря обкома и заявил, что последний от развертывания критики не пострадает, ведь ЦК принял решение оставить прежнее руководство обкома [12. Л. 82]. Смелость редактора областной газеты отнюдь не случайна. В ходе выполнения решений IV пленума активизации печати – от областной газеты до стенгазет предприятий – уделялось немалое внимание. 27–28 марта 1950 г. было проведено областное совещание пропагандистов и работников газет, на котором присутствовали секретари и заведующие отделами пропаганды райкомов, редакторы газет, работники радио, учреждений культуры и искусства, учебных заведений, представители МВД

и МГБ. Секретарь обкома и заведующий отделом агитации и пропаганды С.И. Мурашов раскритиковал редакцию «Красного знамени» за недостаточную активность и связь с массами, за то, что она не вела борьбу за действенность своих выступлений; районные газеты – за подхалимство. При этом досталось и районным комитетам: «Секретари райкомов партии, все партийные работники должны быть принципиальными в работе, отстаивать свое мнение, выступать против неправильных действий, допускаемых отдельными руководителями, какой бы пост они ни занимали» [19. Л. 79]. Находившиеся в строгой централистской логике редакторы районных газет критиковали «Красное знамя». Редактор газеты «Причулымская правда» Муллер заметил: «Вполне понятно, что, будучи на моем месте, любой другой редактор подумал бы над тем, как можно дать критическую статью, когда в областной газете отмечается положительно» [19. Л. 146]. Редактор Коженинской районной газеты Ванин обвинил «Красное знамя» в искажении фактов: «В областной газете к Ленинским дням меня попросили показать один колхоз, который носит имя Ленина. Я взял колхоз “Заветы Ленина”, написал... Получаю газету “Красное знамя”, вижу, подпись моя, но то, что написано – не мое. “Колхоз с каждым годом отвоевывает у тайги все новые и новые площади”, а тайги там нет... Дальше, что в колхозе во всех избах загорелись лампочки Ильича и т.д. Мне совестно стало, будут читать колхозники мою подпись» [19. Л. 296]. Представитель «Красного знамени» Е.М. Соколова пожаловалась на оказываемое на газету административное давление и постоянно беспокоящие редакцию звонки по поводу выходящих в газете критических материалов [19. Л. 284]. Секретарь Кривошеинского райкома Лихачев высмеял начальника районного МГБ Шепинского, который приступил к занятиям в Томской заочной школе: «Когда школа обратилась в административный отдел обкома партии, то административный отдел... строго секретно написал, что начальник не хочет заниматься, вы посмотрите и разберитесь. Я не знаю, почему бездельников, лодырей превращают в государственную тайну... Я бы просил управление МВД и МГБ своими работниками заниматься... Кстати сказать... они высокого мнения о себе. Когда начинает с ними говорить зав. отделом пропаганды и агитации, они не соизволят разговаривать, идут только к первому секретарю» [19. Л. 201]. Как видно, описанное С.Г. Сизовым положение, когда власть лишь на словах призывала к «критике и самокритике», а на деле ее жестко подавляла, особенно заботясь о защите сотрудников МГБ [20], складывалось отнюдь не всегда. Пообещал С.И. Мурашов начать издание комсомольской областной газеты [19. Л. 325] – и действительно с 1 февраля 1951 г. началось издание газеты «Молодой ленинец» – печатного органа Томского обкома ВЛКСМ.

Печать действительно активизировала свою работу. 25 апреля «проработке» со стороны «Красного знамени» подвергся радиозавод [17. 1950. 25 апр.], 16 апреля газета осветила борьбу за развертывание критики в стенах университета [17. 1950 16 апр.], а 15 августа – завода резиновой обуви [17. 1950. 15 авг.]. Декан ИФФ

ТГУ А.И. Данилов похвалил областную газету за то, что на ее страницах начали появляться заметки и статьи работников университета [21. Л. 95]. 12 августа 1950 г. «Красное знамя» писало: «Некоторые члены партии, руководители отдельных партийных, советских и хозяйственных организаций не сделали соответствующих выводов из постановлений ЦК ВКП(б) и IV пленума обкома партии. Они, очевидно, решили, что развертывание критики и самокритики является кратковременной “кампанией”, что эта “кампания” теперь прошла и что можно снова вернуться в старым методам руководства, к беспечности, самоуспокоенности» [17. 1950. 12 авг.]. Однако «кампания», возможно, сделавшись менее интенсивной, все же и не собиралась заканчиваться.

Собственно говоря, главный редактор «Красного знамени» В.А. Кузьмичев в своих воспоминаниях также частично осветил томские события начала 1950-х гг. И из его слов следует, что положение газеты до вмешательства ЦК было несколько иным: «В своем роде было трудновато в Томске в годах 1949–1950. Приехав сюда, я подивился тому, как пренебрежительно относились к газете. Многие областные руководители привыкли на редакцию покрикивать». Кузьмичев написал о своих затруднениях «одному партийному работнику» в Москву и подверг критике стиль работы первого секретаря обкома. А.В. Семин узнал об этом, и Кузьмичев не был избран членом бюро обкома. «Это почти значило: уходи». Однако за редактора заступились в Отделе пропаганды ЦК [22. Ч. 1. Л. 119–120]. Изменения последовали после выхода постановления ЦК ВКП(б): «Среди первых шагов нового руководства обкома было повышение роли газеты в жизни партийной организации... Бюро заботилось об авторитете газеты, ее влиятельности в развертывании критики. Действия руководителей, пренебрегавших газетой, обсуждались на бюро и на пленумах районных комитетов... Понятно, что не всегда требовались решения, иной раз бывало достаточным, если секретарь обкома, другой руководящий работник области или района ссылаясь на выступление газеты. Эта новая обстановка подтягивала и редакцию – требовалась все более содержательная газета» [22. Ч. 1 Л. 159]. В целом можно отметить, что В.А. Кузьмичев исключительно хорошо охарактеризовал как выдвиненцев прошедшей кампании – нового секретаря обкома В.А. Москвина, Н.В. Лукьяненко, С.А. Анциферову, Е.С. Соколову, так и новые составы руководства обкома и горкома в целом: «Устанавливался тот партийный контакт между товарищами из редакции и аппарата обкома, при котором не делят власть, а дружно занимаются общим делом, в успехе которого все одинаково заинтересованы» [22. Ч. 1. Л. 120].

Несколько перестроило свою работу бюро томского горкома партии, начавшее выносить на повестку дня все больше вопросов работы первичных парторганизаций, которым ранее практически не уделялось внимания. Происходило это за счет сокращения времени, выделяемого на разбор персональных дел коммунистов и рассмотрение хозяйственных вопросов, что, видимо, несколько сузило возможности бюро горкома

«подменять» собой советские и хозяйственные органы, что признавал и Н.В. Лукьяненко [21. Л. 12].

Однако непосредственно «критика и самокритика» все же должны были развернуться в первичных партийных организациях предприятий, организаций и вузов.

Одной из «проблемных» организаций стала парторганизация Томского манометрового завода. Это предприятие было создано в 1941 г. на базе эвакуированных из Москвы и Ленинграда заводов и в полной мере испытало на себе все трудности в работе промышленности Томска: нехватку жилищного фонда, проблемы с безопасностью труда и ритмичностью производства. При хроническом невыполнении планов имел место рост себестоимости продукции вместо ее снижения. Завод было принято считать «одним из плохих заводов» [23. Л. 19]. От партбюро в течение 1949 г. требовалось «усилить партийный контроль» и «глубоко вникать» в производственные вопросы [24], причем второе было важнее первого. После выхода постановления ЦК ВКП(б) и пленума обкома обстановка на партсобраниях заметно изменилась. Появилась критика в адрес секретаря парторганизации Кириченко, который «из парторганизатора превратился в инженера», и директора завода Баранова. Подняли проблему зажима критики: «Недостатков у нас очень много, но люди о них боятся говорить» [25. Л. 23]. Более того, коммунисты начали ругать первого секретаря обкома: «...видимо, легче попасть на прием к т. Сталину, чем к т. Семину» [25. Л. 32]. Повестка дня собраний резко повернула от решения производственных вопросов к вопросам и проблемам внутрипартийной жизни. Вскоре сменился секретарь партбюро – им стал А.Ф. Нехаенко. В 1951 г. вспомнили факты зажима критики, увольнения работников, затронули вопрос о работе стенной газеты: «Рабочие не пишут в стенную газету заметки, так как считают, что критику зажимают» [26. Л. 8].

Именно со стенгазетой связан скандал, вызвавший разбирательство, которое в итоге вышло за пределы завода. В конце марта 1952 г. директор завода И.В. Баранов в присутствии парторга и секретаря райкома Слинко жестко отчитал заводских комсомольцев за заметку в стенгазете «Манометрист», в которой обличалась жена руководителя предприятия. 15 апреля этот случай был освещен в «Красном знамени», где директору припомнили факты зажима критики и сокрытие от коллектива приказа Министерства машиностроения и приборостроения СССР, в котором Баранову был объявлен строгий выговор с предупреждением [17. 1952. 15 апр.]. Обсуждение публикации областной газеты было вынесено на партсобрание, на котором присутствовали представители райкома и обкома. Это собрание получилось скандальным: одни коммунисты защищали Баранова, другие ругали его и заявляли, что защитники директора были им подкуплены. Но заметили работники предприятия и то, что властный парторг А.Ф. Нехаенко, раскручивая тему зажима критики, пытался подмять под себя директора. По итогам партсобрания было вынесено решение: «Предупредить т. Баранова, что, если он в ближайшее время не исправит указанных ему недостатков, он будет строго наказан, а также будет поставлен вопрос перед вышестоя-

щими партийными организациями и Министерством о снятии его с поста директора завода» [27. Л. 84]. Можно сказать, что И.В. Баранов выдержал эту атаку. Более того, результаты выборов в партбюро показывают, что самой непопулярной и «проваливаемой» кандидатурой был все же секретарь партбюро завода, а не его директор. Тем не менее обстановка на предприятии явно становилась ненормальной, вследствие чего бюро горкома в мае 1952 г. приняло решение о замене А.Ф. Нехаенко. Признавая и осуждая факты зажима критики со стороны И.В. Баранова и объявляя ему выговор с занесением в учетную карточку, бюро обрушилось на секретаря партбюро завода за то, что последний «оторвал партийно-политическую работу от хозяйственной деятельности завода», неприемлемым посчитали заявление, что его дело «заниматься только организационно-партийной и партийно-политической работой, а производственной деятельностью обязаны заниматься инженерно-технические работники» [28. Л. 4–5]. Борясь за «развертывание критики и самокритики», партийное руководство города и области умело остановиться в тот момент, когда процесс начал негативно сказываться на хозяйственной работе.

По иному сценарию развивались события на Заводе резиновой обуви. Для партийных собраний на этом предприятии было характерно превращение в своего рода производственные совещания, вопросы внутрипартийной работы отходили на второй план. Интересны материалы по подготовке доклада на партсобрание в апреле 1950 г., на котором планировалось обсуждение решения IV пленума обкома. Партбюро постановило тезисы доклада считать верными, однако требовалось насытить доклад фактами из жизни парторганизации, в критике по каждому факту указывать фамилии коммунистов, «невзирая на занимаемое ими положение». Кто-то подписал на уже готовом решении: «Сделать критику острее» [29. Л. 27]. На самом партсобрании присутствовали представители городского комитета и Куйбышевского райкома партии. Рабочие говорили о слабости критики и самокритики, отмечали, что на собраниях выступают одни и те же люди. Был поднят вопрос «засоренности» руководящих кадров завода (указывали, что на заводе работала немка, исключенный из партии и бывший белогвардеец), которую допустил директор П.И. Кузнецов [30. Л. 135]. Однако, видимо, это было чуть ли не единственное критическое замечание в адрес Кузнецова, от критики которого коммунисты воздержались. На следующий день сам директор высказался о критических замечаниях довольно определенно: «Говорят, что я мирюсь с людьми, которые не заслуживают должного доверия. Вчера говорили об этом на собрании, а сегодня всем людям, о которых здесь говорили, это известно. Они думают уже – подавать им заявления об увольнении или нет» [31. Л. 102]. Когда ход партсобрания начал поворачивать в сторону обсуждения производственных вопросов, в него вмешался секретарь Куйбышевского РК Бочкарев: «По выступлениям последних товарищей получается что-то вроде производственного совещания, а мы собрались по вопросу перестройки партийной работы... поднимая по пути вопросы чисто произ-

водственные. Нужно говорить о политической учебе, критике... Просьба, невзирая на личности, если есть большие и маленькие недостатки, вскрыть их, чтобы найти путь исправить их» [30. Л. 102]. Впрочем, несмотря на все призывы сделать критику острее, атака на директора завода так и не началась, а к концу 1950 г. повестка дня партийных собраний на предприятии вернулась к обсуждению производственных вопросов.

Как уже было сказано, в существенной мере затронул происходивший процесс и томские вузы. Их партийные организации, как и все прочие, провели партсобрания, на которых обсудили решения IV пленума обкома и Кировской районной партконференции.

Здесь, однако, следует отметить, что «критика и самокритика» периодически появлялась в стенах учебных заведений и ранее. Так, еще в 1949 г. о важности «критики и самокритики» говорила З.Я. Бояршинова, которая указывала на болезненное отношение ряда сотрудников университета к критическим замечаниям в свой адрес и общую мягкость замечаний, которые высказывались так, чтобы никого не обидеть [31. Л. 37–38]. В таком же ключе звучали призывы к развертыванию критики уже на прошедшем в апреле 1950 г. партсобрании, непосредственно посвященном решениям ЦК и обкома. В докладе П.В. Копнина осуждалось поведение ряда сотрудников университета, в том числе отношение к критике со стороны стенных и малотиражных газет, нарушение коллегиальности руководства. Так, докладчик утверждал, что из 11 членов партбюро университета активно работали лишь трое: А.П. Бородавкин, А.И. Данилов и П.В. Копнин, а членами партбюро факультетов избирались даже беспартийные. На факультетских партсобраниях доклады строились таким образом, что трудно понять, партийное это собрание, профсоюзное, производственное совещание или заседание ученого совета [32. Л. 29–31]. Интересно, что общая оценка состояния «критики и самокритики» в университете оказалась весьма похожа на ту, которую на пленуме обкома дал А.В. Семи́н: «Разве руководство университета когда кому-нибудь запрещало говорить, прерывало репликой, обрушивалось в заключительном слове на критикующего, преследовало критикующего? Нет, этого сказать мы не можем». Однако, заявил докладчик, «есть группа товарищей, которых критиковать не положено, неудобно. Так, не дается на наших собраниях и совещаниях, на ученых советах критика работы тов. Макарова, Пегеля, Бунтина, совсем вне критики не один год стоят тов. Скоропелова, бывшая заведующая кафедрой основ марксизма-ленинизма тов. Абрамович, директор СФТИ тов. Кузнецов, директор Научной библиотеки тов. Наумова-Широких» [32. Л. 51–52]. Причем на собрании особенно досталось именно В.Н. Наумовой-Широких, да еще и с отсылкой на руководство обкома: «В библиотеке процветают патриархально-семейные нравы, в коллективе считается почти кощунственным делать замечания в адрес Наумовой-Широких. Беспартийный директор библиотеки присвоила себе прерогативу допускать или не допускать вступление в партию сотрудников библиотеки... Характерно заметить, что при всех замечаниях Наумовой-Широких о недостатках ее

в руководстве библиотекой с ее стороны всегда следует заявление о том, что она с этим не согласна и поэтому будет жаловаться Алексею Владимировичу Семину, Сергею Ильичу Мурашеву и Александру Ивановичу Кузнецову» [32. Л. 54]. По итогам партсобрания было решено заслушать доклад беспартийного директора Научной библиотеки на партийном бюро университета и «добиться коренного изменения стиля работы в Научной библиотеке» [33. Л. 18]. Партийное же бюро и вовсе заявило, что в ТГУ «почти совершенно отсутствует научная критика», поскольку в вузовских изданиях не публиковались рецензии на работы ученых университета [33. Л. 15].

Состояние дел с «критикой и самокритикой» далее неоднократно выносилось на повестку дня партийных собраний и бюро ТГУ в течение 1950 г. Так, в октябре 1950 г. отмечалось, что на химическом факультете уровень критики вырос и было преодолено «мнение проф. Бунтина о непререкаемости научного авторитета», а вот во время обсуждения работы «Относительно марксизма в языкознании» выступления были недостаточно самокритичными [34. Л. 44]. Острее стала, как отмечалось, критика на страницах газеты «За советскую науку», однако ее замечания обречались на одни сигналы без принятия мер со стороны руководства университета [34. Л. 64]. На том же октябрьском партсобрании уровень критики на ученых советах был назван недостаточным, докладчик упрекнул их в насаждении формализма, заявил, что ученые советы проводились без должной подготовки: «Не вскрываются недостатки на заседаниях ученых советов биолого-почвенного, химического, физического и других факультетов, где формализм свил себе прочное гнездо. Совершенно недостаточно участие коммунистов в работе Ученого совета университета» [34. Л. 63]. Интересно, что, как отмечалось, коммунисты – члены ученых советов не всегда исполняли решения партийных собраний, касавшиеся перестройки деятельности последних. Что же касается положения дел в Научной библиотеке, то в ней все же были созданы совет и партийная группа, на которых сотрудники вносили свои предложения по улучшению работы учреждения [35. Л. 10].

Помимо усиления контроля со стороны партийного бюро и партийных собраний, над вузами усиливался и партийный контроль над учебными заведениями в целом. Кроме уже упомянутого решения создать в обкоме сектор вузов, областной комитет, ссылаясь на решение ЦК ВКП(б), ввел должности освобожденных партторгов в ТГУ и ТПИ. В университете вместо А.П. Бородавкина, совмещавшего обязанности партторга с научно-преподавательской деятельностью, секретарем парторганизации в апреле 1951 г. был избран И.Е. Попов [36. Л. 35].

Несколько иначе разворачивались события в Томском мединституте, где борьба за «развертывание критики и самокритики» почти сразу же оказалась связана с борьбой с семейственностью, причем понимаемой именно в буквальном смысле совместной работы родственников в одном учреждении. На протоколе партийного собрания ТМИ, состоявшегося 25–26 апреля

1950 г., директор мединститута С.П. Ходкевич написал: «Неверно» и «Болтовня», – а после собрания начал нападать на секретаря парторганизации лечфака В.И. Астафьеву, отстранив ее от ведения курса и предложив перейти на работу в облздрав. В ответ Астафьева написала письмо секретарю Кировского райкома С.А. Анциферовой, в котором обвинила Ходкевича в том, что тот продвигал свою жену Л.Ф. Ларину [37. Л. 5 об. –6]. В ходе разбирательства С.П. Ходкевич дал свои объяснения по этому вопросу, заявил, что его замечания на протоколе относились лишь к отдельным высказываниям, и даже попросился в отставку [38. Л. 3–6], однако вместо освобождения от обязанностей директор мединститута получил строгий выговор с занесением в учетную карточку.

С новой силой борьба с семейственностью вспыхнула в 1952 г. 23 марта 1952 г. в «Известиях» вышел фельетон заведующего отделом науки газеты В. Орлова, в котором личные дела сотрудников Киевского и Томского медицинских институтов довольно язвительно сравнивались с семейными альбомами [39. 1952. 23 марта]. Эта публикация стала предметом обсуждения на очередном партсобрании, на котором С.П. Ходкевич заявил, что на 1950 г. в ТМИ имелось «46 пар» [40. Л. 59]. На этом собрании критика директора за мягкое отношение к семейственности переросла в упреки в слишком слабом развертывании критики. Выступавшие заявили, что «критика на ученых советах очень слаба», «кафедра кафедру не критикует». «Некоторые члены ученого совета, не читая работы научной, дают ей положительную оценку. Все выступающие отзываются о работе хорошо, а читать ее не читали. А потом, при голосовании, получается 10 за и 10 против. Пусть решительно решает ВАК это дело, а мы остаемся в стороне». Из этого вытекало высказанное двумя выступившими коммунистами предложение снять С.П. Ходкевича с должности [40. Л. 60–61]. Надо полагать, они рассчитывали на поддержку присутствовавшего на партсобрании представителя Минздрава СССР А.Г. Гукасяна, однако тот заявил, что министерство Ходкевичу доверяет, и, осудив семейственность, лишь высказал ряд своих предложений по улучшению ситуации [40. Л. 61]. Как говорится, «мягчеж не завершается иначе».

Подводя итоги, можно сказать, что «развертывание критики и самокритики» не было идеологическим фантомом, – оно являлось полноценной практикой политического действия. Однако нельзя при этом сказать, что оно было каким-то цельным и единонаправленным процессом с одной конкретной и ясной целью. Все участники этого процесса – от секретаря ЦК до рядового комсомольца – имели свои интересы и стремились к их реализации, не выходя за рамки общей политики Советского государства, мысля в рамках конкретного советского дискурса и пользуясь официальным языком своего времени. Конкретный смысл «развертывания критики и самокритики» вследствие этого менялся в зависимости от ситуации, от того, кто и против кого использовал это орудие, причем в таких условиях сохранялась внешняя видимость целостности процесса. Конкретно в нашем случае это и стремление Центра усилить контроль за местными властями, оперевшись на низы, результатом чего стали «перетряхивание» руководства области и выдвижение людей, составивших основу системы власти в 1950-е гг. и отчасти позднее, и борьба за влияние между партийными организациями и руководителями учреждений и предприятий (а значит, конфликт между партийной и государственной дисциплиной), и конфликты между администрацией и рядовыми работниками и студентами. В действительности же «критика и самокритика» являлась способом выражения конфликтности в обществе и могла способствовать как защите своих прав от притеснений одними, так и усилению контроля со стороны других (хотя одно, надо отметить, вовсе не исключает другого). Можно также вспомнить и концепцию А. Юрчака с идеей перформативного сдвига в советском постсталинском дискурсе [41]. Если подойти к проблеме с этой стороны, то, как нам кажется, «критика и самокритика» вполне могла являться одним из инструментов, посредством которых в сталинское время этот «сдвиг», или «разрыв», дискурса с действительностью не допускался или своевременно устранялся (причем не только единолично И.В. Сталиным, как полагает А. Юрчак, хотя авторство самой практики и в таком случае принадлежит Сталину). Так или иначе, но эта практика играла довольно заметную роль, ныне по достоинству не оцененную.

Список источников

1. Павлович С.Л. Деятельность партийных организаций Среднеазиатского военного округа в период развертывания массовых политических репрессий // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14, № 1. С. 180–185.
2. Рубцов Ю.В. Мехлис. Тень вождя. М.: Вече, 2011. 384 с.
3. Зиновьев А.А. Гибель русского коммунизма. М.: Центрполиграф, 2001. 431 с.
4. Отяковский В. От составителя. Советская самокритика как саботаж покаянного дискурса // Новое литературное обозрение. 2022. № 5. С. 72–80.
5. Эррен Л. О происхождении некоторых особенностей советской партийной публичной сферы. Подданный сталинского режима и «самокритика» в 1930-е годы / пер. с нем. Н. Ставрогиной // Новое литературное обозрение. 2022. № 5. С. 81–103.
6. Голдман В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина: социальная динамика репрессий / пер. с англ. В.Е. Сидиковой. М.: РОССПЭН, 2010. 335 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М.: Политиздат, 1988. 574 с.
8. Сушков А.В. Дело «Танкового короля» Исаака Зальцмана. Екатеринбург: УрО РАН, 2016. 300 с.
9. Сталин И.В. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1948. Т. 11. 381 с.
10. Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников: доклад и заключительное слово на пленуме ЦК ВКП(б), 3–5 марта 1937 г. М.: Партиздат, 1937. 144 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М–Л.: Госиздат, 1929. Т. 5. 600 с.
12. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 1251.
13. Генина Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Томской области (конец 1940-х – начало 1950-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 306. С. 57–61.

14. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1151.
15. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1153.
16. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1345.
17. Красное знамя : томская областная общественно-политическая газета.
18. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1250.
19. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1390.
20. Сизов С.Г. Власть и пресса в послевоенный период (на материалах архивов Западной Сибири) // Омский научный вестник. 2001. № 14. С. 44–48.
21. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 4. Д. 482.
22. ЦДНИ ТО. Ф. 5663. Оп. 1. Д. 15.
23. ЦДНИ ТО. Ф. 328. Оп. 3. Д. 5.
24. ЦДНИ ТО. Ф. 328. Оп. 2. Д. 89.
25. ЦДНИ ТО. Ф. 328. Оп. 3. Д. 7.
26. ЦДНИ ТО. Ф. 328. Оп. 4. Д. 4.
27. ЦДНИ ТО. Ф. 328. Оп. 5. Д. 1.
28. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 4. Д. 600.
29. ЦДНИ ТО. Ф. 479. Оп. 4. Д. 2.
30. ЦДНИ ТО. Ф. 479. Оп. 4. Д. 3.
31. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 4. Д. 73.
32. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 4. Д. 74.
33. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 4. Д. 79.
34. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 4. Д. 93.
35. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 5. Д. 5.
36. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 5. Д. 3.
37. ЦДНИ ТО. Ф. 314. Оп. 1. Д. 649.
38. ЦДНИ ТО. Ф. 314. Оп. 1. Д. 650.
39. Известия Советов депутатов трудящихся СССР : общественно-политическая ежедневная газета.
40. ЦДНИ ТО. Ф. 357. Оп. 7. Д. 3.
41. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

References

1. Pavlovich, S.L. (2018) Deyatel'nost' partiynykh organizatsiy Sredneaziatskogo voennogo okruga v period razvertyvaniya massovykh politicheskikh repressiy [Activities of Party Organizations of the Central Asian Military District during the Unfolding of Mass Political Repressions]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*. 14(1). pp. 180–185.
2. Rubtsov, Yu.V. (2011) *Mekhlis. Ten' vozhdya* [Mekhlis. The Shadow of the Leader]. Moscow: Veche.
3. Zinoviev, A.A. (2001) *Gibel' russkogo kommunizma* [The Death of Russian Communism]. Moscow: Tsentrpoligraf.
4. Otyakovskiy, V. (2022) Ot sostavitelya. Sovetskaya samokritika kak sabotazh pokayannogo diskursa [From the Compiler. Soviet Self-Criticism as Sabotage of Penitential Discourse]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5. pp. 72–80.
5. Erren, L. (2022) O proiskhozhdenii nekotorykh osobennostey sovetskoy partiynoy publichnoy sfery. Poddannyi stalinskogo rezhima i "samokritika" v 1930-e gody [On the Origin of Some Features of the Soviet Party Public Sphere. A Subject of the Stalinist Regime and "Self-Criticism" in the 1930s]. Translated from German by N. Stavrogina. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5. pp. 81–103.
6. Goldman, W.Z. (2010) *Terror i demokratiya v epokhu Stalina: sotsial'naya dinamika repressiy* [Terror and Democracy in the Age of Stalin: The Social Dynamics of Repression]. Translated from English by V.E. Sidikova. Moscow: ROSSPEN.
7. Marx, K. and Engels, F. (1988) *Nemetskaya ideologiya* [The German Ideology]. Translated from German. Moscow: Politizdat.
8. Sushkov, A.V. (2016) *Delo "Tankovogo korolya" Isaaka Zaltsmana* [The Case of the "Tank King" Isaac Zaltsman]. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
9. Stalin, I.V. (1948) *Sochineniya* [Works]. Vol. 11. Moscow: Gospolitizdat.
10. Stalin, I.V. (1937) *O nedostatkakh partiynoy raboty i merakh likvidatsii trotskistskikh i inykh dvurushnikov: doklad i zaklyuchitel'noye slovo na plenum TsK VKP(b), 3–5 marta 1937 g.* [On the Shortcomings of Party Work and Measures to Eliminate Trotskyite and Other Double-Dealers: Report and Concluding Speech at the Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), March 3–5, 1937]. Moscow: Partizdat.
11. Marx, K. and Engels, F. (1929) *Sochineniya* [Works]. Vol. 5. Translated from German. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
12. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 1251.
13. Genina, E.S. (2008) Kampaniya po bor'be s kosmopolitizmom v Tomskoy oblasti (konets 1940-kh – nachalo 1950-kh gg.) [The Campaign against Cosmopolitanism in Tomsk Oblast (Late 1940s – Early 1950s)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 306. pp. 57–61.
14. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 1151.
15. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 1153.
16. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 1345.
17. *Krasnoe znanya: tomskaya oblastnaya obshchestvenno-politicheskaya gazeta* [The Red Banner: Tomsk Oblast Socio-Political Newspaper].
18. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 1250.
19. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 1390.
20. Sizov, S.G. (2001) Vlast' i pressa v poslevoennyi period (na materialakh arkhivov Zapadnoy Sibiri) [Power and the Press in the Post-War Period (Based on Archival Materials from Western Siberia)]. *Omskiy nauchnyy vestnik*. 14. pp. 44–48.
21. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 80. List 4. File 482.
22. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 5663. List 1. File 15.
23. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 328. List 3. File 5.
24. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 328. List 2. File 89.
25. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 328. List 3. File 7.
26. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 328. List 4. File 4.
27. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 328. List 5. File 1.
28. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 80. List 4. File 600.
29. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 479. List 4. File 2.
30. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 479. List 4. File 3.
31. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 115. List 4. File 73.

32. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 115. List 4. File 74.
33. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 115. List 4. File 79.
34. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 115. List 4. File 93.
35. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 115. List 5. File 5.
36. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 115. List 5. File 3.
37. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 314. List 1. File 649.
38. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 314. List 1. File 650.
39. *Izvestiya Sovetov deputatov trudyashchikhsya SSSR: obshchestvenno-politicheskaya ezhdnevnyaya gazeta* [News of the Soviets of Working People's Deputies of the USSR: Socio-Political Daily Newspaper].
40. The Documentation Center for Modern History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 357. List 7. File 3.
41. Yurchak, A. (2014) *Eto bylo navsegda, пока ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Сведения об авторах:

Новосельцев Данил Дмитриевич – магистрант Института искусств и культуры Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: d_novoseltsev@mail.ru

Толстов Георгий Андреевич – магистрант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: egor.tolstov@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Novoseltsev Danil D. – Master Student at the Institute of Arts and Culture of the Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: d_novoseltsev@mail.ru

Tolstov Georgiy A. – Master Student at the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: egor.tolstov@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.07.2022; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 02.07.2022; accepted for publication 21.01.2026